

Рёмэн Сукуна мог лишь порадоваться тому, что решил явиться лично. Стоило Ураумэ выкрасть пальцы из Склада проклятых артефактов Токийского магического колледжа, как он тут же поглотил их, вернув себе значительную часть былой мощи.

Иначе в нынешней неразберихе всё могло закончиться куда плачевнее. С таким монстром, как Фусигуро Тодзи, который безжалостно вырезал наводнивших территорию проклятых духов и проклятых магов, Годжо Сатору со спокойной душой переключился бы на Ураумэ. В таком случае верный слуга едва ли унёс бы ноги, не говоря уже о пальцах.

Столкновение Сукуны и Годжо Сатору оказалось разрушительным: бесчисленные невидимые разрезы начисто срезали половину построек Токийского магического колледжа. Ответом Сатору стал сокрушительный удар колоссальной мощи, который и вовсе стёр остатки вековых зданий в серую пыль.

Однако Сукуна, вернувший себе силу лишь шестнадцати Пальцев Двумликого Сукуны, понимал, что сейчас он не ровня современному «сильнейшему». Осознав это, Король проклятий не стал затягивать бессмысленный бой. Он намеренно перенёс схватку ближе к позициям других магов, заставив Сатору действовать осторожнее, чтобы не задеть своих. Эта секундная заминка и позволила Сукуне вместе с Ураумэ бесследно скрыться.

Сатору бросился в погоню. Он преследовал беглецов на протяжении нескольких миль, до самого подножия горы, но там след окончательно оборвался. Даже Шесть глаз не смогли уловить ни малейшей остаточной проклятой энергии.

Подобный исход Сатору не слишком удивил. Всё-таки перед ним был Король проклятий, правивший тысячу лет назад. Было бы странно, не владей он столь безупречным способом скрывать своё присутствие. В ту золотую эпоху, когда проклятая энергия была ключом, Рёмэн Сукуна проложил себе путь на вершину через горы трупов, наводя ужас на сильнейшие кланы магов. В конце концов даже императорский двор склонил перед ним голову, признав его статус и начав почитать как грозное божество.

Сукуна прожил жизнь, презирая любые законы, и никто так и не сумел его одолеть. Лишь после его кончины — а умер он своей смертью, от старости — двадцать отсечённых Пальцев Двумликого Сукуны обратились в неразрушимые проклятые объекты особого ранга. И вот теперь, воплотившись в новом теле, Король проклятий вернулся, полностью оправдывая своё грозное имя.

Азарт недавней битвы всё ещё будоражил кровь Сатору, и на его лице блуждала предвкушающая ухмылка, когда он вернулся на руины Токийского магического колледжа.

Навстречу ему вышел хмурый Гакуганзи Ёсинобу.

— Тот мужчина, как две капли воды похожий на Итадори Юдзи... Это и был переродившийся Сукуна? — спросил старик, нервно подергивая длинные белые брови.

Гакуганзи наблюдал за колоссальной битвой издалека. Пусть глаза его уже ослабли от старости, он отчётливо разглядел лицо врага. Теперь стало очевидно, что Итадори Юдзи не был сосудом Короля проклятий. Анонимный доносчик попросту совершил глупую ошибку: заметил поразительное сходство и поспешил сделать ложные выводы.

Но размышлять о недоразумениях времени не осталось. Нужно было во что бы то ни стало уничтожить Сукуну, пока тот не собрал оставшиеся Пальцы Двуликого Сукуны и не вернул себе абсолютное всемогущество.

— Ну разумеется, — легкомысленно отозвался Сатору, закинув руки за голову. — Силён, ничего не скажешь. Но до меня ему всё равно далеко!

Лицо старейшины потемнело от злости:

— Если так, почему ты упустил его?

Сатору театрально вздохнул и развёл руками:

— Помилуйте, директор, я ведь о ваших старых костях беспокоился! Если бы мы с ним сошлись в полную силу, вас бы от одной ударной волны до смерти перепугала. Пришлось сдерживаться, а этот пройдоха воспользовался моментом и сбежал.

Гакуганзи едва не задохнулся от ярости, но возразить не нашёл чего. Он прекрасно понимал: начини Сатору и Сукуна битву территорий, отголоски их техник стёрли бы с лица земли и учителей, и учеников обеих школ.

Межшкольное соревнование сестринских школ из-за столь чрезвычайного происшествия пришлось свернуть. К счастью, благодаря своевременному вмешательству Фусигуро Тодзи никто из детей не пострадал. Любой проклятый дух или проклятый маг, оказавшийся под Завесой, не успевал даже вскрикнуть — Тодзи уничтожал их мгновенно, одним точным и безжалостным ударом.

Мэгуми, чувствуя на себе и на отце потрясённые, полные благоговения взгляды учеников и преподавателей из Киотского магического колледжа, невольно выпрямил спину. *Да, именно так силён мой отец.*

Слава о Тодзи — Небесном проклятии из клана Дзэннин, полностью лишённом проклятой энергии, — гремела давно, но мало кто видел его в деле. Наблюдая, как он играючи, словно сухие ветки, ломает сильнейших проклятых духов, многие маги Киотского магического колледжа невольно усомнились в собственной значимости. Неужели «обезьяна» без капли проклятой силы может стоять настолько выше их всех? Кое-кто из упрямых консерваторов всё ещё пытался мысленно брезговать его происхождением, но большинство было просто раздавлено этой демонстрацией абсолютного превосходства.

Аой Тодо из Киотского магического колледжа проявил недюжинную смелость. Он бесцеремонно протиснулся к Тодзи и с самым серьёзным видом громогласно спросил:

— Господин Фусигуро! Скажите, какие женщины вам по вкусу?

Тодзи даже шага не замедлил:

— Мне нравится моя жена.

Тодо застыл на месте, разинув рот:

—...

Подобного приземлённого ответа он точно не ожидал. Впрочем, логично: у Тодзи уже взрослый сын, глупо было надеяться на иное. Тогда Тодо резко развернулся к Мэгуми:

— А у тебя? Какой твой тип?

Мэгуми мысленно взмолился о внезапной смерти, лишь бы не отвечать на этот идиотский вопрос.

К счастью, именно в этот момент вернулись директора Яга и Гакуганзи в сопровождении Сатору. Тодо тут же отвлёкся, и Мэгуми удалось незаметно ускользнуть.

Однако Тодзи нагнал сына, по-свойски приобнял его за плечи и с лёгкой ухмылкой негромко спросил:

— И всё-таки, мелкий, какая тебе нравится?

Глядя на глумливое лицо отца, Мэгуми не удержался от искушения отплатить ему той же монетой:

— Похожая на маму.

Ухмылка мгновенно слетела с лица Тодзи. Он отвесил сыну звонкий подзатыльник:

— Так и знал! Ты ещё в колыбели постоянно к ней лип, гадёныш, всё пытался мою жену у меня увести!

Мэгуми потёр ушибленную шею и мрачно пригрозил:

— Я всё маме расскажу.

— Да валяй, я сам ей первый пожелаю! — хмыкнул Тодзи, уже прикидывая, как под этим предлогом выпроводить надоедливого сопляка подальше от супруги.

Сатору шутовской летящей походкой подскочил к ним и собственнически сжал Мэгуми в объятиях, взъерошив его непослушные волосы. Разница в росте была столь велика, что положить подбородок на плечо парня Сатору не мог, а потому просто уткнулся ему в макушку.

— О-о-о, бедный мой Мэгуми-тян! Неужели этот неотёсанный мужлан совсем отбил тебе голову? Ты ещё помнишь, кто твой папочка? Ну же, скажи «папа Сатору», давай проверим, не повредился ли твой разум...

Тодзи медленно, с характерным шорохом потянул рукоять Меча Освобождения Души из пасти вившегося вокруг его плеч проклятого духа Убао.

— Годжо... Ещё хоть раз заставишь моего сына звать тебя отцом...

Глаза Сатору под повязкой азартно блеснули:

— О, так ты хочешь подраться со мной?

Тодзи на мгновение задумался, а затем плавно задвинул клинок обратно в утробу Убао.

Связываться с этим ненормальным — только его радовать. Он хладнокровно скрестил руки на груди:

— Деньги вперёд. Десять миллионов иен за каждое «папа».

Сатору разочарованно надул губы:

— Ну вот, как всегда, всё испортил.

Мэгуми решительно высвободился из объятий учителя и уставился на обоих абсолютно безжизненным взглядом:

— Годжо-сенсей, у вас что, нет никаких более важных дел?

Просто отлично, подумал он. *Теперь вся школа знает, что у меня есть один учитель-самозванец, мечтающий примерить роль отца, и родной папаша, готовый продать мои сыновние чувства за звонкую монету.*

Сатору вновь бесцеремонно навалился на него сверху, сокрушаясь на весь двор:

— Забота о тебе и есть моя главная обязанность, Мэгуми! Твой родной отец совершенно ненадёжен, да ещё и распускает руки. Как я могу оставаться в стороне?

Мэгуми лишь тяжело вздохнул. *Если бы вы оба держались от меня как можно дальше, я был бы в абсолютной безопасности.*

Известие о том, что Рёмэн Сукуна совершил налёт на Токийский магический колледж и похитил хранившиеся там пальцы, мгновенно вызвало панику в Главном совете магов.

— Сукуна возродился? Но как это возможно?! Его пальцы — чистейший яд, ни один человек не способен пережить их поглощение!

— Тем не менее факт остаётся фактом: кто-то успешно принял в себя его душу. Король проклятий действительно вернулся.

— Говорят, сосуд как две капли воды похож на первокурсника Итадори Юдзи. Нужно немедленно доставить парня в Главный совет магов и допросить! Выяснить, не замешан ли он в этом!

— Итадори Юдзи — всего лишь ребёнок. И даже если сосуд имеет к нему отношение, мальчик здесь скорее пострадавший, а не соучастник.

— Сейчас уже не важно, как именно он переродился. Главное — не позволить Сукуне собрать оставшиеся Пальцы Двуликого Сукуны и вернуть былую силу. Нужно покончить с ним как можно скорее!

— Но с его нынешней мощью обычным магам не совладать...

Старейшины наперебой высказывали свои опасения, пока наконец все взгляды не обратились к главе стола. Там, в председательском кресле, хранил невозмутимое молчание Годжо Хара. По обе стороны от него сидели Годжо Сатору и Гэто Сугуру.

На сегодняшний день в мире магов насчитывалось всего пять магов особого ранга. Цукумо Юки безвылазно сидела за границей, Оккоцу Юта всё ещё числился в учениках и на собрания столь высокого уровня не допускался. Таким образом, трое мужчин за этим столом представляли собой вершину могущества всего сообщества.

И именно на братьев Годжо — сильнейший тандем современности — старейшины возлагали

основные надежды.

Хара молча выслушивал этот сумбурный спор. Многолетние реформы Совета всё же принесли плоды: никто из присутствующих не посмел упрекнуть Сатору в том, что он упустил врага, или обвинить самого Хару в халатности, допустившей воскрешение монстра. Все разговоры велись исключительно в конструктивном русле.

Хара слегка приподнял ладонь, и в зале заседаний мгновенно воцарилась идеальная тишина. Все замерли, ожидая его слова.

— Воскрешение Рёмэн Сукуны — угроза, требующая от нас предельной собранности, — ровным, властным тоном произнес Хара. — Передайте приказ в «Окно»: усилить бдительность до предела. Любые колебания аномальной проклятой энергии должны фиксироваться и проверяться незамедлительно. Совет бросит все силы на поиск оставшихся пальцев. Как только артефакты будут обнаружены, их доставят лично мне. На этом всё. Свободны.

Старейшины синхронно поклонились:

— Слушаемся, господин Хара!

Когда зал опустел, Сатору и Сугуру остались на своих местах по молчаливому знаку главы. К подобным закрытым совещаниям высшего триумvirата все давно привыкли — обсуждение тактики против Короля проклятий требовало конфиденциальности.

Убедившись, что двери закрыты, Хара повернулся к висевшей в углу камере наблюдения:

— Ноев ковчег, заблокируй запись и заглуши все внешние сигналы.

На устройстве мигнул красный индикатор, и раздался бесстрастный электронный голос:

— Запрос принят.

Объектив камеры послушно развернулся к стене и замер. Сатору и Сугуру, хоть и видели работу искусственного интеллекта не в первый раз, вновь мысленно поразились его эффективности. С появлением Ноева ковчега документооборот и обработка данных в мире магов вышли на совершенно иной уровень.

— Зачем такие меры? — с любопытством спросил Сугуру. — Ноев ковчег — всего лишь программа, у неё нет личных мотивов или предвзятости, шпионить она не станет.

Хара бросил на друга короткий взгляд и мягко улыбнулся:

— Сугуру, тебе не кажется, что ты стал слишком сильно полагаться на технологии?

Гэто опешил. Сначала Хара читал ему нотации о том, что нельзя недооценивать технический прогресс, а теперь сам же упрекает в излишнем доверии к нему. Он лишь обезоруживающе развёл руками.

— Ноев ковчег действительно безупречен, — продолжил Хара, посерьёзнев. — Однако осторожность никогда не бывает лишней. Наш враг Кэндзяку прожил тысячу лет. Кто знает, какими методами он располагает и не научился ли обходить защиту ИИ, перехватывая сигналы напрямую?

Хара никогда не недооценивал врагов. Во время Сибуйского инцидента Кэндзяку едва не запер его в Тюремной обители, выверив психологическую ловушку с точностью до секунды. Если бы не колоссальный выброс собственной проклятой энергии и помощь Эдогавы Конана, успевшего выиграть драгоценные мгновения, Хара бы сейчас не сидел здесь. Быть сильнейшим — не значит быть неуязвимым для коварства.

Для полной надёжности Хара не стал ограничиваться цифровым глушением. Он сделал плавное круговое движение рукой, и комнату накрыла плотная, абсолютно непроницаемая угольно-чёрная Завеса, отсекающая любые попытки магического шпионажа.

Сатору и Сугуру переглянулись, но комментировать эту запредельную паранойю не стали, сразу перейдя к делу.

— Ну, Сатору, делись впечатлениями, — произнес Хара. — Насколько силён Сукуна?

Сам Хара в своё время лишь извлёк осколок души Сукуны из тела Итадори, но в открытом бою с ним не сталкивался.

— Он силён, — уже без тени привычного шутовства ответил Сатору. — Пока слабее меня, поскольку вернул далеко не всю мощь, но он явно берёт силы. Даже не попытался применить Расширение территории, очевидно, не желая раскрывать карты раньше времени. Мне тоже пришлось сдерживаться, чтобы не разнести там всё вместе со студентами. С ним был тот белобрысый проклятый маг льда, за которым Тодзи гоняется уже не первый месяц. Сукуна звал его Ураумэ.

После боя Сатору не поленился заглянуть в архивы клана Годжо. В старинных хрониках действительно упоминался верный слуга Короля проклятий по имени Ураумэ, который славился не только ледяными техниками, но и кулинарным мастерством — именно он готовил для своего господина блюда из человеческой плоти.

Сугуру брезгливо поморщился:

— Он действительно питался людьми? Какая мерзость.

В учебных материалах Сукуну всегда описывали как абстрактное «абсолютное зло», и Гэто подсознательно воспринимал его как обычного проклятого духа. Осознание того, что этот монстр когда-то был человеком и осознанно занимался людоедством, вызывало лишь тошноту.

Хару подробности рациона древнего мага не волновали. Куда важнее было устранить угрозу, пока тот не обрёл былую мощь.

— Один палец находится у меня, — ровным тоном произнес Хара. — Тот самый, что хранился на Складе проклятых артефактов нашего клана. Я буду держать его при себе. Пока я жив, Сукуна до него не доберётся.

Сатору хищно прищурился:

— Значит, выше девятнадцати Пальцев Двумликого Сукуны этому ублюдку прыгнуть не светит.

— И всё же нам нужно собрать как можно больше оставшихся Пальцев Двумликого Сукуны, — напомнил Сугуру. — Чем слабее он будет, тем меньше невинных пострадает при нашей следующей встрече.

Пока троица магов особого ранга планировала ответные действия, в нескольких милях от них Кэндзяку с досадой созерцал белый шум на экране монитора.

— Этот Годжо Хара поразительно подозрителен, — вздохнул он. — Кэлин сумел взломать систему безопасности Главного совета магов, но мы не получаем ни картинки, ни звука.

Кэндзяку не сомневался, что Хара попросту заблокировал помещение Завесой. Переведя взгляд на стоявшего рядом проклятого духа, он удовлетворённо улыбнулся.

Кэлин — проклятие особого ранга, рождённое из первобытного страха человечества перед стремительным развитием технологий, — развился из зародыша до полноценной формы досрочно. Стимулом для его пробуждения послужило известие о том, что Махито потерпел поражение и был поглощён техникой манипуляции проклятиями Гэто Сугуру.

Обладая способностью беспрепятственно перемещаться по любым цифровым сетям, Кэлин легко подчинил себе камеры Главного совета магов. Но чрезмерная осторожность Хары, заставившего Ноев ковчег отключить питание приборов, сорвала Кэндзяку сеанс связи. Направлять камеру на магов особого ранга силой Кэлин не решился — такую грубую манипуляцию Сатору или Хара почуяли бы мгновенно.

Кэндзяку посмотрел на другой, куда более массивный кокон, покоившийся в глубине укрытия. Этот проклятый зародыш был несоизмеримо сильнее Кэлина. Когда он наконец обретёт плоть, в его руках окажется оружие, способное переломить ход всей этой затянувшейся партии.

<http://bllate.org/book/19549/2004391>